

9(С)27(Обл)

Б90

78835-ррр

**БУДЬ
БДИТЕЛЬНЫМ!**

О Г И З

Чкаловское книжное издательство

1942

~~102468~~
78835

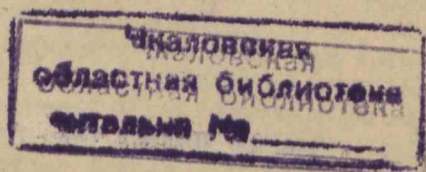
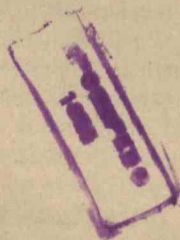
РФ-С-78835

Есть электронная
копия

9(с)27(обл)
Б90

9(с)27(обл)

БУДЬ
БДИТЕЛЬНЫМ

О Г И З
Чкаловское издательство
1942

THE
BOSTON

THE
BOSTON
LIBRARY

И. Реутский
Военирист первого ранга

Будь бдительным

В дни Великой отечественной войны, когда фашистские полчища вторглись на советскую землю, неся смерть и разрушение, весь наш народ поднялся против гитлеровских бандитов и убийц. Советские патриоты, сражающиеся на фронте, героически отстаивают каждую пядь земли своей великой родины.

Самоотверженно работают трудящиеся и в тылу. Война укрепила наш тыл, сделала его еще более сплоченным — советские люди знают, что победа над врагом куется не только на полях сражений, но и на заводах и фабриках, на колхозных полях.

Это хорошо знает и враг. Он всеми способами сейчас, больше чем когда-либо, старается дезорганизовать наш тыл, посеять панику, ослабить дисциплину и подорвать нашу волю к победе. Для этого фашистские бандиты используют старых матерых шпионов; сбрасывают на парашютах в наш тыл опытных диверсантов, на вербованных из белогвардейцев и из среды деклассированных элементов; они перебрасывают через линию фронта всяких темных людей из подонков общества, потерявших совесть и честь. Путем шантажа, угроз и всякого рода насилий фашисты затягивают в свои сети трусов, которые из-за малодушия, ради спасения своей шкуры идут на измену родине.

В грозные дни Великой отечественной войны каждый гражданин Советского Союза обязан проявлять исключительную бдительность и организованность. Советские патриоты должны уметь разоблачать фашистских агентов и лазутчиков, в какие бы одежды они ни наряжались, и предавать их в руки государственных органов. «Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим интригерством и трусостью мешают делу обороны, не взирая на лица» (И. Сталин).

Благодаря бдительности народа и самоотверженной работе органов советской власти нам удалось выявить и разгромить шпионские контрреволюционные троцкистско - зиновьевские, бухаринские и прочие организации предателей родины. Но враг коварен и хитер, он прилагает массу усилий к тому, чтобы пробраться в наш тыл и подорвать мощь нашей родины.

В дни вооруженной схватки не на жизнь, а на смерть с международной бандой фашизма борьба Красной Армии с гитлеровскими полчищами должна подкрепляться беспощадной борьбой с врагами, которые просачиваются в советский тыл, с теми, кто прямо или косвенно содействует фашистским захватчикам.

Ведя борьбу с врагами нашего государства, мы должны помнить, что после разгрома шпионских центров в СССР, фашистская шпионско-террористическая банда перестроила работу и обновила свою агентуру. Приемы фашистского шпионажа стали более разнообразными, а агентура — более разношерстной.

Фашистским шпионам стало значительно труднее вести свою преступную деятельность, так как советский народ бдительно охраняет военные и государственные тайны. Однако, несмотря на трудности, с которыми фашистские разведчики сталкиваются на советской земле, они все же ухищряются проникать на нашу территорию, на наши предприятия. Они ищут ротозеев и болтунов и используют их в своих преступных целях.

Вот несколько фактов о разоблаченных шпионских делах. Колхозник деревни Масловка тов. М. приехал в город Н. и поступил работать дворником. Территория, которую должен был обслуживать новый дворник, граничила с проходной будкой и выездными воротами завода военного значения.

На четырнадцатый день работы тов. М., когда он впервые дежурил по участку, в четыре часа утра к нему подошел неизвестный человек, представившийся уполномоченным по проверке порядка охраны социалистической собственности.

Неискушенный дворник этому заявлению поверил.

Первая встреча неизвестного «уполномоченного» с товарищем М. была непродолжительной. «Уполномоченный» задал тов. М. несколько «контрольных» вопросов, — знает ли он свои обязанности дежурного дворника, занимается ли ночной уборкой своего участка и т. д.

Узнав, что уборку обслуживаемой территории дворник начинает очень рано — с трех-четырех часов утра, незнакомец перед уходом сказал, что, наверное, зайдет еще...

Через пару ночей он появился снова. При второй ночной встрече с тов. М. «уполномоченный» вел себя смелее. Он рассказал, что продукцией завода и его работой интересуются райсовет и высшие органы, так как, мол, этот завод имеет особое оборонное значение.

Незнакомец сказал дворнику, что продукцию соседнего завода, которую ежедневно вывозят на автомашине ЗИС-5, легко учесть. Сообщил,

сколько военных деталей помещается на одной машине этой марки. И это достаточно проследить за количеством нагруженных автомашин ЗИС-5, которые выедут из ворот заводского двора, чтобы подсчитать, сколько военной продукции выпускает этот завод за сутки.

В заключение незнакомец «по-товарищески» посоветовал М. перейти работать на соседний завод, — мол, «дворником работать невыгодно».

Тов. М. сообщил об этом разговоре домоуправу. Выяснилось, что неизвестный, выдававший себя за уполномоченного по проверке охраны социалистической собственности, — шпион.

Он подыскивал среди городских новичков агента по «наблюдению» за производством военных заводов.

Тов. М. своим сообщением помог разоблачить врага.

Фашистские шпионы много работают над обновлением своей агентурной сети. При этом они стараются вербовать таких людей, которые являются доверенными лицами, постоянно имеющими в руках ключи от государственных зданий, сооружений и т. п., и которые имеют самостоятельный доступ в государственные здания.

Этого добивался и немецкий шпион Э., который пытался опутать и завербовать коменданта одного завода тов. Б., проработавшего на заводе более пяти лет.

В своих показаниях фашистский шпион Э. сообщил: «Выполняя приказание своего руководителя по разведке, я наметил для вербовки подходящего человека — коменданта завода гражданина Б.». «...Над тем, чтобы завербовать коменданта, я работал день и ночь, создал вокруг него «питательную» среду...».

«Питательная» среда на языке шпиона — создание такой обстановки, которая обязательно должна привести намеченную жертву в его лапы.

Осуществляя свой план, фашистский шпион Э. познакомил тов. Б. с семьей одного преподавателя музыки. В этом доме всегда бывало много народу — почти все посетители выдавали себя за дальних родственников двоюродной сестры учителя, некой «Нюси».

Однако в их поведении тов. Б. начал замечать что-то подозрительное. На родственников Нюси они не походили.

Однажды, возвращаясь с Нюсей из кино, тов. Б. по ее приглашению зашел на чашку чая.

На столе было много дорогих и разнообразных напитков, закусок, угощений... Атмосфера была странная. Тов. Б. немедленно сообщил о своих сомнениях в соответствующие органы. Он во-время разгадал ксварный план шпиона Э.

«...Я сразу же тогда вспомнил указание моего начальника, который говорил, что нам, работающим на охране заводов, надо особенно внимательно выбирать товарищей», заявил тов. Б. Да, он прав. Советские люди обязаны быть бдительными не только на работе, но и дома, в кругу знакомых и незнакомых людей.

Некий гражданин К. скрывал от органов советской власти, что его

сосед украл ряд ценных вещей у третьего лица. Фашистский пройдоха и шпион В., зная об этом, начал преследовать гражданина К. и угрожать, что сообщит о его «педоносительстве».

При каждой встрече шпион напоминал гр. К., что рано или поздно ему придется отвечать в уголовном порядке за свой проступок. Теперь, по словам шпиона, судьба и благополучие гр. К. находились в его руках. «Захочу — отдам вас под суд, захочу — помилую».

Наконец фашистский агент заявил гр. К., что если он желает получить от него «личную амнистию», то обязан заслужить ее своими услугами. Однако фашист продолжал конспирироваться. Гр. К. знал его лишь как второго соседа по квартире. Тем не менее заявление о «личной амнистии» и требование каких-то услуг во-время навели гражданина К. на подозрения. Он обратился к дежурному прокурору, сообщил ему все, что знал о краже соседом ценных вещей у третьего лица. Одновременно, гр. К. сообщил прокурору и о преследованиях со стороны В. его странных условиях и требованиях.

Теперь наши органы разобрались в «странном» поведении второго соседа: гражданина К., германского шпиона. «Личную амнистию» он сулил за то, чтобы гр. К. стал его агентом.

...Седой старик с бородой, похожей на скобелевскую, аккуратно обслуживал мужской зал парикмахерской. Он был швейцаром.

Здесь всегда былолюдно и шумно — парикмахерская находилась недалеко от заведомых предприятий. Поблизости была расположена, кроме того, и воинская часть. Несмотря на свои годы, швейцар был любознателен. Он внимательно прислушивался к разговорам посетителей на самые разнообразные темы, и никому из них не приходило в голову, что рядом — матерый шпион с 13-летним стажем. Воспользовавшись доверчивостью администраторов парикмахерской, расположенной так близко от промышленных и военных объектов, «швейцар» выпытывал необходимые ему сведения. Шпион «работал» не только для Германии, но и другого фашистского государства.

Из показаний его видно, что, по предложению своего резидента, он побывал уже в десяти городах Советского Союза, а обязанности «швейцара» выполнял не только в парикмахерских, но и в гостиницах.

«Швейцаром в парикмахерской я начал работать потому, что мне было приказано заглянуть в сбором сведений о построении в воинских частях, о построении рабочих заводов, о формировании новых кадровых и других частей Красной Армии. Мне было приказано прислушиваться к каждому слову клиентов парикмахерской и использовать болтливость посетителей».

Вступать в разговоры с клиентами парикмахерской мне категорически запрещалось.

Последнее время резидент был недоволен моей работой, так как я не мог давать ему желаемой информации. Получилось это потому, что за последнее время болтливов в парикмахерской стало меньше».

Этот случай особенно ярко свидетельствует о том, как опасны беспечные боатыны.

На первый взгляд, должность полотера еще безобиднее, чем должность швейцара. Некоторые руководители, вероятно, удивились бы, если бы их спросили, знают ли они полотера, наводящего чистоту в их учреждении. А вопрос этот далеко не пустой. Например, полотер П. был трудолюбив, исполнительен. Он приходил на работу ночью, чтобы не мешать оставшимся на вечерние занятия. Трудился он, не считаясь со временем, подолгу задерживаясь в учреждении. Этот полотер был пойман на месте преступления. Оказалось, что его «добросовестная» ночная работа не была случайной. По ночам он вскрывал секретные шкафы, сейфы и хранилища, а также письменные столы, в которых по халатности работников находились секретные документы.

Шпион был разоблачен и получил по заслугам.

В своей «работе» он руководствовался специальной инструкцией, изданной гитлеровской разведкой. В этой инструкции разведка требовала от своего агента обращать особое внимание на хранилища, опечатанные мастичной печатью, положенной на суровую нитку. При помощи заранее подобранных ключей в такое хранилище можно легко и, главное, незаметно проникнуть. «Суровую нитку — поучают гестаповские бандиты — при известном навыке легко вытащить из-под мастичной печати. После вскрытия объекта нитка при помощи специальной иглы снова сводится на прежнее место».

Отсюда ясно, что ни в коем случае нельзя опечатывать хранилище с секретными документами мастичной печатью на суровой нитке.

«Полотера» П. приносили в бешенство сургучные печати, наложенные на крученую бечевку и тряпичные веревки. Инструкция гестапо была бессильна дать совет, как проникать в хранилища с такими печатями.

На редко гитлеровские резиденты стремятся получить нужные материалы непосредственно из рук сотрудников, допущенных к секретной переписке.

Некий С. начал ухаживать за Д., которую он знал как засекреченную машинистку одного из оборонных предприятий.

Он рассказал машинистке, что работает над военным изобретением, но боится, как бы его не опередил один инженер, будто бы похитивший его идею. С. настойчиво упрасивал Д. принести ему копии совершенно секретных документов, которые она печатала на службе. Они, мол, ему крайне необходимы для окончания работы, а ей ничего не стоит при печатании закладывать лишний лист бумаги.

Гражданка Д. оказалась честной советской девушкой. Она сумела вызвать С. на откровенность, узнала его дальнейшие планы и сообщила обо всем в соответствующие органы. Шпион был задержан.

Бывают дела другого характера. Рассылный Ш., слыл в учреждении, где он служил, человеком со страшностями. Он имел мрачный ха-

рактор. был заблечив, рассеян, отвечал невпопад и неряшливо выполнял свои несложные обязанности. Руководитель учреждения и сотрудники посмеивались над рассеянностью Ш., — то он забудет на почте рассыльную книгу, то расписку потеряет, то по всем кабинетам разыскивает забытый где-то портфель. Когда он терял пакет, его называли «разиней», «шляпой» и... на этом успокаивались.

«Рассыльный» Ш. был пойман с поличным, когда удалось установить, что один важный пакет он не утерял, а сознательно передал в руки шпиона. «Разиней» и «шляпой» оказался не он, а руководители учреждения, не сумевшие своевременно разоблачить врага, агента немецкой разведки, срудовавшего прямо у них на глазах.

Вот еще пример. Некто Л. ничем особенно не выделялся среди своих товарищей. Он ходил на службу, посещал футбольные матчи, собирал членские взносы в Осоавиахим, бывал в кино, а на вечеринках танцевал фокстрот и вальс-бостон. Л. сознавал свою заурядность и страдал от этого. Ему хотелось популярности, всеобщего внимания. Но как добиться этого?

На работе Л. был малозаметным сотрудником, но учреждение его выполняло важные функции. Стремясь создать впечатление среди знакомых, что он занимает крупный и ответственный пост, а следовательно, знает государственные тайны, Л. начал болтать каждому встречному обо всем, что делается в его учреждении. Передавая очередную новость приятелю, Л. сговаривался:

— Я тебе это рассказываю по-дружески. Имей в виду, что сведения совершенно секретные и распространению ни в коем случае не подлежат.

Особенно внимательным слушателем Л. был некто В., избалованный потом, как крупный немецкий шпион.

В своих показаниях В. сообщил, что он долгое время не хотел вербовать этого болтуна в качестве шпиона — Л. и без вербовки поставлял ему необходимые сведения, совершенно не подозревая, что «приятель» его является агентом немецкой разведки.

В своей шпионско-бандитской подрывной деятельности фашистская разведка стремится использовать любые средства. Она пускает в ход разные приемы и уловки для вербовки новых агентов, предлагает деньги и ценности, использует ненависть к советской власти ее врагов, а болтунов и ротозеев использует, как слепое орудие. Она играет даже на гуманности и отзывчивости, которые присущи советским людям.

Клавдия К. появилась в прифронтовом городе С. и начала обивать пороги учреждений в поисках работы. Никто не поинтересовался разузнать, при каких обстоятельствах прибыла эта сероглазая белокурая женщина, чудом спасшаяся от зверств эсэсовцев, бесчинствующих в захваченном ими городе Б. Но Клавдия сама охотно рассказывала о себе каждому. Она красочно описывала, как бесчеловечно расправляются фашистские изверги с пленными красноармейцами и советскими работниками. Даже невинных детей они не щадят. Что сталося теперь с ее до-

туркой Лелей? Разве она может успокоиться, когда ее единственная любимая крошка, пятилетняя девочка, осталась там, в городе Б., и неизвестно жива ли? Если бы хоть муж был жив. А то его расстреляли, ребенок затерялся, а она очутилась тут на положении эвакуированной...

«Когда я еще работала экономистом в Б.»..., этой фразой Клавдия часто начинала свои обстоятельные рассказы о счастливой довоенной поре, когда она выполняла большую работу, связанную с расширением посевной площади льна, конопли и других масличных культур.

Правда, подтвердить эти рассказы документами Клавдия не могла.

— Документы я потеряла вместе с вещами, когда удирала от немцев, — говорила она и простодушно смотрела в глаза сомневающимся.

При поступлении на работу Клавдия К. не могла заполнить анкету без помарок и больших исправлений. Всего в анкете было 11 исправлений. Но товарищ З., начальник учреждения, не считал нужным присмотреться к принимаемой на работу. Он видел перед собой убитую горем мать и жену, нуждающуюся в работе. З. зачислил Клавдию на временную работу переписчика с исполнением обязанностей курьера.

Быстро освоившись со своими обязанностями, Клавдия начала проявлять интерес не только к переписываемым документам, но и к содержанию разносимых ею пакетов. Некоторые из них она брала с собой на квартиру для ознакомления на досуге и отправляла их лишь через пару дней после всестороннего изучения.

Подозрительные действия «несчастной беженки» не укрылись от бдительных глаз советских патриотов. «Бывшего экономиста» застали дома в момент, когда она передавала шпиону-связисту копии документов, с которыми знакомилась, бесперемежно вскрывая учрежденческие пакеты.

На допросе Клавдия созналась, что она была переброшена через фронтную полосу фашистской разведкой с приказанием осесть в районе города Б. На нее была возложена обязанность восстановить старые шпионские связи. Так как большинство фашистских агентов пойманы и уничтожены органами советской власти, К. предстояло сызнова наладить всю фашистско-шпионскую сеть и самой добывать нужные сведения. Но не вышло!

— Работать в советском тылу — очень трудно, — заявила матерая шпионка.

Советские карательные органы, при активной помощи советского народа, выполняя указания Председателя Государственного Комитета Обороны Советского Союза товарища Сталина, вылавливают на фронте и в тылу фашистских шпионов, диверсантов и террористов и беспощадно уничтожают их. В своей борьбе с гестаповской агентурой советская разведка опирается на бдительность и патриотизм широчайших масс всех народов СССР.

Немецкие захватчики и их пособники — гестаповские шпионы и диверсанты — все до единого найдут могилу на советской земле.

В военное время советские граждане обязаны удесятерить насторо-

женность и революционную бдительность. Не позволять себе и другим разбалтывать государственные, военные и производственные тайны. Искоренять расхлябанность, ротозейство и беспечность. Обстановка требует от каждого из нас — от пионера до старика — зорко присматриваться и тщательно прислушиваться к окружающему, чтобы вовремя разоблачать врагов и его пособников и уничтожать их. Нельзя позволять фашистской гадине подрывать оборонную мощь нашей Родины.

Выше революционную бдительность! Смерть фашистским захватчикам и шпионам!

В. Носов
Диввоениорист

Немецко-фашистский шпионаж

Одним из серьезнейших звеньев подготовки войны против СССР гитлеровцы считали насаждение своих агентов, шпионов и диверсантов в нашей стране. Для этой цели германская разведка засылает к нам свою агентуру, а также старается использовать остатки разгромленных эксплуататорских классов и кое-где сохранившиеся старые кадры шпионов.

Работавший ряд лет техником на заводе Н., бывший офицер и дворянин, жил замкнуто и вел себя вполне лояльно. Но с начала войны Н. заметно повеселел, стал общительным. Между прочим, разговоры его неизменно сводились к утверждениям, что светомаскировка — ненужная выдумка, лишь мешающая работе предприятия.

Однажды ночью была объявлена воздушная тревога. Н., дежуривший по одному из отделов, покинул свой пост и поспешил во двор, куда направлялись рабочие, чтобы укрыться в щелях. Здесь он принялся убеждать рабочих разойтись по своим местам, чтобы «на всякий случай» очистить заводской двор. Кое-кто последовал его уговорам. В эту минуту в глубине двора блеснул свет — и в воздух взлетела ракета, за нею — другая. Первым для отвода глаз туда бросился Н., а затем, вопя: «фашисты наступают», он пустился наутек, пытаясь увлечь за собой рабочих. Но рабочие не поддались панике, а направились в глубину двора и задержали там трех немецких сигнальщиков.

Оказалось, что эти шпионы только накануне были доставлены в этот район на самолетах. Спустившись в лесу, они затем явились к Н. с рекомендательным письмом от его давнишнего приятеля, который просил его, как «старого офицера», помочь диверсантам осветить важные объекты. Следствие установило, что Н. не только бывший офицер, но и старый разведчик.

Курьер германского посольства в СССР Ш., по национальности немец, был одним из самых энергичных фашистских агентов. Выставляя напоказ свое «богомолье», Ш. собирал у себя знакомых для душещипательных бесед. Как бы «случайно» вся компания подобралась из бывших кулаков и торговцев. Следствием установлено, что карьера Ш. восходит еще к 1924 году, когда он, под видом все той же религиозной проповеди, сколачивал антисоветские группы для активных выступлений.

В Германии энергично плела сети шпионская организация под благородным названием комитета «Братья по нужде». Этот комитет вербовал агентов в нашей стране для осведомительной и подрывной деятельности. Одним из первых «братьев» откликнулся Ш. Он, по заданию комитета, фабриковал клеветнические фальшивки, расписывавшие якобы бедственное положение немцев в России. К письмам присовокуплялись фотоснимки каких-то субъектов в лохмотьях — экспонатами служили сами «братья», специально маскировавшиеся для этой цели. Письма писали «пострадавшие жертвы большевистского господства». Один из арестованных по делу Ш., некто Э., на допросе показал:

«В одном составленном мною документе, который предназначался для контрреволюционной агитации среди населения Республики Немцев Поволжья, «для правдоподобности» я указал, что два мои родные брата Федор и Генрих и грудная дочь умерли голодной смертью. Фактически брат Федор умер от приступа грудной жабы, Генрих был рожден умалишенным и скончался во время одного из припадков. Дочь также родилась дефективной, отчего и умерла».

Подобные письма фотографировались и распространялись не только в фашистской вотчине, но и в СССР.

Фашистские шпионы используют в своих целях разгильдяев, которые встречаются еще кое-где даже среди военнослужащих.

В № подразделение прибыл новый радист — младший сержант Петров. Спустя незначительный срок его поймали на месте преступления — в ту минуту, когда он передавал гитлеровцам сведения о наших войсках. Как же этот «Петров» мог попасть в радиочасть с безупречными документами, с официальным направлением?

Ларчик открылся просто: в № военкомат явился некий «военнослужащий» со знаками различия младшего сержанта и, назвавшись Петровым, заявил, что отстал от своей части и просит поскорее направить его на фронт. Поскольку он назвал номер «своего» полка, работник военкомата проникся к шпиону полнейшим доверием и дал ему, не потребовав документов, направление на пересылный пункт, откуда «Петров» был направлен в Действующую армию. Здесь радисты быстро распознали шпиона и обезвредили его.

Нужно ли говорить о том, что виновные ротозои заслуживали серьезного наказания и понесли его.

Не меньший вред, чем ротозои, могут принести и шельмуны. Шел-

тун — это враг, и с ним надо расправляться, как с врагом. Гитлеровцы из кожи лезут вон, чтобы посеять в наших рядах панику, распространять злостные слухи. Для этой цели они специально засылают своих людей в наши тылы, вербуют агентов из среды «бывших людей», поручая им вести фашистскую агитацию.

В городе Р. в трамвае невзрачная на вид женщина уверяла соседей, что гитлеровцы «хорошо обращаются с населением» во временно захваченных ими советских районах, что она, дескать, «сама была у немцев и видела это собственными глазами». Гнусное восхваление фашистских бандитов было тут же опровергнуто одной пассажиркой — действительной беженкой, которая много рассказала о неописуемых зверствах гитлеровцев. «Поклонница» фашистов была задержана. Следствие установило, что она действительно была в расположении немцев и с готовностью стала их агентом. После надлежащего инструктажа фашисты перебросили ее через линию фронта с заданием восхвалять гитлеровский строй и порядки, распространять ложные слухи.

В одном из населенных пунктов «осел» на жительство беженец П. Этот П. неоднократно нарушал светомаскировку (как потом оказалось, это было не случайным). Исподтишка в разговорах незаметно вставлял слова, одобряющие фашистов. В конце концов он был доставлен в органы НКВД.

На следствии П. показал, что он перешел на территорию СССР в районе наступления германских войск, смешался с эвакуирующимся советским населением из занятых немецкой армией районов и таким образом углубился на советскую территорию. По мере ознакомления с окружающей обстановкой, он разведывал объекты бомбардировок.

Вблизи тех объектов он должен был расстилать полотенце и простыню, сигнализировать при помощи электрического фонаря с белым и красным светом.

Фашистские шпионы делают довольно часто попытки заниматься оптической сигнализацией. В городе Л. при производстве обыска на чердаке одного дома была обнаружена небольшая оборудованная комнатка, где находился включенный коротковолновый радиопередатчик, радиоприемник, сигнальные лампы, мелкокалиберная винтовка германского образца, патроны и переписка, изобличающая владельцев домика в шпионских связях с германской военной разведкой. Здесь же были захвачены три шпиона, местные жители, немцы по национальности.

Нет такой гнусности, на какую не были бы способны фашистские изверги. Обыск у гитлеровских агентов Б. и К. обнаружил: радиопередатчик с оборудованием, шифр, ключи, два пистолета системы «Маузер» с боевыми патронами, подложные паспорта, 6.000 рублей советской валюты и 28 таблеток.

При лабораторном исследовании этих таблеток оказалось, что в них содержатся бактерии сибирской язвы. Б. и К. на следствии признались, что оба являются агентами германской разведки, окончили специальную

разведывательную школу в городе Б., после чего и были посланы в СССР.

Целью их работы являлись добыча разнообразных сведений о дислокации и состоянии наших войск для подготовки мест высадки немецких десантов и распространение сибирской язвы среди населения.

Эти гнусные выродки инструктировались германским подполковником А. Привезя их на границу, А. еще раз их предупредил, что с таблетками нужно обращаться осторожно и напомнил, что разбрасывать содержимое этих таблеток нужно в местах скопления народа, составив предварительно соответствующую смесь.

Но к каким бы омерзительным приемам ни прибегали гитлеровские изверги и их паймиты, бдительность советских людей всегда может их с успехом обезвредить. К величайшей бдительности призывают нас слова товарища Сталина: «Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов...». Революционная бдительность советского народа, воинов Красной Армии поможет ему одержать победу над своим смертельным врагом — гитлеровской Германией.

„Красная звезда“

И. Попков

Майор государственной безопасности

Бдительность и еще раз бдительность

В одном из привольских сел стали усиленно распространяться провокационные слухи. В органы НКВД поступили заявления, что их распространяет некая гражданка К., недавно эвакуированная из Прибалтики. Однако К. вела себя внешне совершенно лояльно и повода для подозрений не подавала. Больше того, в НКВД, в сельсовете лежало несколько заявлений К. «разоблачительного» характера.

После тщательной проверки выяснилось, что К. профессиональная немецкая шпионка, завербованная ее мужем — старым агентом гестапо в фашистскую разведку. На допросе арестованная заявила: «Мне не нравится советская власть потому, что она ликвидирует разгульную жизнь».

У К. две «профессии» — проститутки и шпионки. В Прибалтике она была одновременно на содержании двух фабрикантов. С приходом Красной Армии в Литву К. по заданию гестапо выходит замуж за командира Красной Армии, собирает сведения военного характера и одновременно готовится для подрывной работы в нашем тылу.

22 июня, в 4 часа утра, немецкие самолеты бомбили наши мирные города, а уже в 6 часов утра К. получила задание. Резидент немецкой разведки сказал ей: «Мы начали войну против СССР. Выезжайте в глубокий тыл Советской страны для шпионско-диверсионной работы. Постарайтесь проникнуть в город с оборонными предприятиями или в деревню для ведения провокационной работы. Для руководства вами придет наш специальный агент». По предложению гестапо К. устроилась в эшелоне эвакуированных советских граждан, пробралась в тыл страны и поселилась в колхозе.

На допросе К. показала: «Я начала осторожно действовать среди граждан села, распространяя провокационные и панические слухи. Мне было приказано дезорганизовать работу колхоза, агитируя эвакуированное население не работать на уборке урожая. Я получила специальное задание вести агитацию среди колхозников — оставить хлеб в колхозе неубранным. Кроме того, мне было предложено изучить местное население, выявив бывших кулаков, социально чуждые элементы, уголовников, из них предполагалось создать антисоветские бандитские группы». Шпионка просчиталась. Рядовые советские люди сумели разгадать подлинное лицо К., и врагу помешали осуществить подлые замыслы.

Дело К. весьма показательное. Враг подл и хитер. Он использует все для того, чтобы дезорганизовать работу советского тыла. Еще в 1937 году товарищ Сталин указывал: «...вредители обычно приурочивают главную свою вредительскую работу не к периоду мирного времени, а к периоду кануна войны или самой войны».

Сейчас наступил этот период. У фашизма нет социальной почвы в среде нашего народа. Священные цели освободительной войны еще больше укрепили тыл, вызвали огромный патриотический подъем у широких слоев трудящихся. У гестапо нет и не может быть в нашей стране почвы для «пятой колонны». В свое время мы разгромили врагов народа, правых тропкистов, и прочих двурушников, сорвали их вредительские замыслы. Но остатки разбитых контрреволюционных групп еще существуют, они сами ищут связи с фашизмом.

В этом отношении очень характерно дело кулака Якова Сазонова. Сазонов добровольно остался на территории, временно занятой немцами, связался с фашистской разведкой и предложил ей свои «услуги». Ему поручили разъезжать по селам глубокого тыла, распространять провокационные слухи и организовывать бандитско-повстанческие группы.

Недавно органы НКВД арестовали радиотехника одного районного радиоузла Е. На допросе он показал: «Я был антисоветски настроен еще с 1936 — 1937 года. Но я двурушничал, имея в виду, что без глубоких

потрясений борьба против основ советского строя бесполезна. Факт вооруженного нападения на Советский Союз заставил меня изменить тактику».

Вопрос. То-есть вы использовали трудности военной обстановки для ведения преступной работы по подрыву советского тыла?

Ответ. Да, это так.

Е. ищет сообщников, чтобы организовать их и доказать фашистам, что он всегда был врагом советского народа, что он всегда двурушничал. Этот подлый изменник родины надеялся, идя на службу в фашистской разведке, спасти свою шкуру. Советские патриоты разоблачили его, и враг понес заслуженное наказание.

Дело Е. свидетельствует о том, что именно сейчас притаившиеся враги родины начинают активизировать свою подрывную работу.

Немецкая разведка делает все, чтобы завербовать в свои ряды социально-враждебные элементы, чтобы насадить сеть своих агентов в нашем тылу. В качестве примера можно привести дело Евдокии Краснобаевой. В свое время Краснобаева судилась и была послана на исправительно-трудовые работы в Западную Украину. В начале войны была освобождена и осталась на территории, временно занятой фашистами. Краснобаеву задержали немцы. Она дала согласие работать в гестапо. Тогда ее «вернули» домой, в глубокий тыл, где она и была разоблачена органами НКВД.

Таких подлецов, как Краснобаева, у нас немного. Однако несколько пегодаев могут уничтожить результат труда десятков тысяч людей. Это нужно помнить всем советским гражданам и быть всегда на-чеку.

Именно сейчас нужна особая бдительность, бдительность военного времени. К сожалению, есть еще у нас ротозей, чересчур доверчивые люди. Недавно к главному инженеру оборонного завода в городе Ч. явился человек в форме лейтенанта танковых войск. Отрекомендовавшись Героем Советского Союза, неизвестный попросил у инженера машину, чтобы проехать в город. Легковой машины не оказалось. Гостеприимный инженер тут же предоставил неизвестному автобус. Далее «лейтенант» посетил военкомат, где его также гостеприимно встретили.

Мнимый герой посетил далее кооператив и, взяв в кредит понравившиеся ему продукты, явился к своему отцу. На этом его визиты закончились. Отец заявил о «лейтенанте» органам НКВД. Он сообщил, что сын его никогда в Красной Армии не служил и поэтому, по его мнению, Героем Советского Союза быть не может и вообще он вор-рецидивист, систематически занимается жульничеством и аферами. «Лейтенант» был задержан и оказался крупным жуликом, путешествующим по стране с фальшивыми документами. В одно из своих «путешествий» он оказался на территории, временно занятой немцами, и был завербован гестапо.

Измениник был разоблачен благодаря бдительности его отца, советского патриота. Но как оценить поведение инженера В., работников местного военкомата, оказавшихся столь доверчивыми в такое ответственное,

суровое для нашей страны время? Не свидетельствует ли этот факт о том, как могут благодушные и беспечные благоприятствовать измене?

Нужно понять, что период мирного времени кончился, что и в тылу наши советские люди должны всегда находиться в состоянии мобилизационной готовности. Наш тыл крепок, как никогда. Чем суровее испытания, тем сильнее морально-политическое единство нашего народа. О стальную броню советского патриотизма разбивались и будут разбиваться все дронски наших врагов.

Фашизм обречен на гибель. И чем яснее вырисовывается перспектива этой обреченности, тем активнее пытаются и будут пытаться фашистские агенты, засылаемые в наш тыл, подорвать его обороноспособность. Вот почему революционная бдительность нашего народа есть одно из неизменных, обязательных условий организации разгрома фашизма.

Всюду и всегда бдительность, бдительность, обостренная до умения распознавать врага, как бы он ни маскировался, — таково должно быть правило поведения каждого советского патриота в военное время.

„Известия“.

Л. Шейнин

„Немецкие консервы“

Это был маленький, спокойный городишко, расположенный в глуши, в стороне от больших железнодорожных узлов, не очень далеко от границы. Промышленных предприятий здесь не было, население преимущественно служило в районных учреждениях, а на досуге занималось огородничеством.

В городе были кинотеатр и клуб, где функционировал драмкружок. Руководил кружком местный старожил, которого все в городе знали и звали запросто по имени-отчеству: Адам Иванович.

Ему уже перевалило за пятьдесят. Адам Иванович служил землеустроителем в райзо. Был он лыс, сухощав и добродушен.

Старик не имел никого, кроме внучки Тамуси, осиротевшей после смерти его дочери, погибшей от туберкулеза. Девочка была пионеркой и переходила в пятый класс. Дед заменил ей отца и мать, и весь город восхищался его заботой о ребенке.

— Не у всяких родителей, — говорили в городке, — такую ласку встретишь.

Адам Иванович сам обучал внучку немецкому языку, строго следил за

ее отметками и даже выкроил из своего скромного бюджета плату за уроки музыки.

Как многие старики, Адам Иванович был чудаковат и страстно, совсем по-детски увлекался радиотехникой. Не имея средств для покупки дорогих радиоприемников, он конструировал их сам, и его письменный стол всегда был завален конденсаторами, радиолампами, предохранителями.

В городке Адам Иванович дружил со всеми. Его знали как аккуратного служащего, незаурядного общественника и отзывчивого соседа. Удивительно ли, что к нему хорошо относились. Приехал он в этот городок давно, почти четверть века назад, сравнительно молодым, щеголеватым землемером. Скромно жил, работал, обзавелся небольшим домиком, разбил около него веселенький палисадник.

Долгими зимними вечерами, когда городок заносило снежными метелями и на улицах зачуйно пели телеграфные провода, Адам Иванович репетировал в клубе очередную пьесу, горячился, неистово размахивал руками и разъяснял любителям их ошибки.

А на премьерах Адам Иванович волновался больше всех, носился по сцене, как угорелый, часто утирал вспотевшее от усталости лицо и, выходя в конце спектакля кланяться восторженной публике, смущался, как гимназист.

— Адам Иванович, — грохотал зрительный зал. — Bravo... Режиссера. Адама Иван-ы-ча...

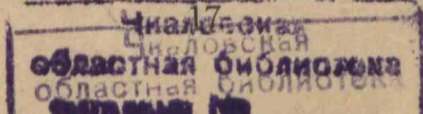
Когда драмкружок, организованный Адамом Ивановичем, праздновал свой десятилетний юбилей, местная общественность отметила заслуги основателя кружка: Адаму Ивановичу преподнесли трехламповый колхозный радиоприемник постоянного тока с соответствующей надписью.

Юбилейный вечер затянулся. Было уже совсем поздно, когда Адам Иванович вышел из клуба. Моросил дождь, неуверенно мигал тусклый фонарь, и под ногами тяжело хлопали большие толстые лужи. Где-то в Заречье заливались собаки. Дома в комнате Тамуси почему-то горел свет, но девочка уже спала. Адам Иванович подошел к ее кровати, поправил сбившееся одеяло и потушил лампу.

Он прошел в свою комнату, плотно притворил дверь, закрыл ставни и сел к столу. Минуту Адам Иванович сидел в кресле, закрыв глаза и вытянув ноги. Потом он поднялся, включил какой-то провод, пропущенный незаметно под пол через ножку стола и стал возиться с рычажком передатчика.

Да, радиопередатчика, потому что в подполье добродушного старичка была тщательно и искусно запрятана переносная маленькая радиостанция, последняя модель «Телефункена», потому что в этом скромном домике, в маленьком, глухом городке окопался, жил и действовал старый немецкий шпион.

Его перебросили в Россию в 1913 году. Позади у молодого лейтенанта кайзеровской армии было детство на Одере, военное училище и первое офицерское звание. Лейтенант отличался как лингвист: особенно хо-

рошо ему давались славянские языки. Начальник училища, маленький, суетливый, всезнающий фон-Таубе, доложил об этом по назначению. В день выпуска совсем еще юного лейтенанта пригласили в один из отделов генерального штаба.

Пожилый человек в штатском платье встретил его так, будто они знали друг друга много лет. Смутившийся лейтенант с удивлением обнаружил, что все, решительно все о нем, его близких, даже об его шалостях знает этот худощавый человек с лицом солдата и глазами каторжника. Да, у него были странные глаза. Они избегали лица собеседника, они беспокойно бегали по углам кабинета, но, если взгляд их, наконец, падал прямо в лицо, его трудно было вынести, этот взгляд, — такой он был тяжелый, неподвижный и требовательный.

Итак, они договорились — юный лейтенант императорской армии и человек в штатском из генерального штаба.

— Отлично, лейтенант, — сказал в заключение человек в штатском — я вижу — из вас выйдет толк, я очень доволен вами. Вы будете моим крестником, лейтенант. И, кроме того, вы будете русским...

На следующий день, не простившись с товарищами, лейтенант выехал в маленький немецкий городок, чтобы продолжить там свое образование. Здесь находилась секретная школа, одна из многих специальных школ германской разведывательной службы.

Вслед за ним в школу прибыл опечатанный сургучом пакет с карточкой нового сотрудника. В ней говорилось коротко:

«Профиль — русский, профессия — землемер, пребывание — тридцать лет».

В той же карточке упоминались новые имя, отчество и фамилия, надолго, на тридцать минимум лет, обретенные будущим русским землемером:

М-р Адам Иванович.

Через два года Адам Иванович закончил образование и уехал в Петербург. Сначала ему предложили остаться там, «Крестного отца» интересовали Гатчинская авиационная школа и слухи о каком-то необыкновенном самолете, над конструкцией которого работал тогда Сикорский.

Действительно, несколько позже, уже во время войны, в России родился первый в мире многомоторный самолет, получивший название «Илья Муромец». По тем временам это был самолет фантастических размеров и грузоподъемности. Адам Иванович специально поселился в Гатчине, завел знакомство с персоналом авиационной школы и многими офицерами. В конце концов он собрал кое-какие сведения, но раздобыть чертежи самолета не смог: Сикорский был осторожен и неподкупен. Офицеры Гатчинской школы вели себя менее осторожно, охотно пьянствовали с веселым землемером, но сами знали очень мало.

Потом изготовление самолетов «Илья Муромец» взял на себя Русско-Балтийский завод. Адам Иванович переехал из Гатчины в Петербург и поступил на этот завод слесарем. Ему удалось собрать сведения о сроках

изготовления и количестве выпускаемых самолетов. «Крестный отец» уведомил, что доволен его работой.

Постепенно Адам Иванович расширял круг знакомств, пользуясь всеми гнусными методами германской разведки. Подкупом и шантажем, ласками и вымогательством, вином и женщинами, обещаниями и угрозами, используя уголовников и дам петербургского света, общая или угрожая, вербуя священников и беглых каторжников, военных писарей и саночников, шулеров и журналистов, не останавливаясь перед дерзкими кражами со взломом и убийствами лиц, ставших почему-либо опасными, — действовал в период войны 1914—1917 годов Адам Иванович. Так действовали сотни Адамов Ивановичей, переброшенных германской разведкой в Россию, во все страны Европы и Америки.

Осенью 1916 года Адаму Ивановичу сообщили, что в приказе по императорской армии лейтенант X. за «неоценимые боевые заслуги высочайше награждается его императорским величеством Вильгельмом II железным крестом».

«Поздравляю вас от души, мой крестный сыночек, — писал Адаму Ивановичу его покровитель, — уверен, что и впредь вы будете столь же усердно служить великой Германии, призванной покорить весь мир и установить в нем истинно немецкий порядок...».

А в 1918 году, когда грянула революция и Адам Иванович невольно растерялся, в его квартиру однажды ночью постучался какой-то человек. Адам Иванович впустил его и остолебенел: перед ним стоял человек в штатском из генерального штаба — его «крестный папаша».

— Здравствуйте, капитан, — сказал пришедший. — Я поздравляю вас с этим званием.

И начался второй разговор этих двух людей — тогда еще молодого капитана императорской армии и человека в штатском из генерального штаба, разговор двух матерых шпионов, двух немецких волков из волчьей стаи, задумавшей перекусить горло всему миру во имя торжества всеблудившегося «немецкого духа».

Уже на рассвете, когда огромный город возникал, как видение в утреннем тумане Невы, человек в штатском тихо сказал:

— Такова наша программа, мой друг. Сейчас вы уедете в глушь, в какой-нибудь городок, вполне освоитесь там, будете тихо и мирно жить. Мы вас пока «консервируем», мой милый. Срок контракта далеко еще не истек. О, вы еще пригодитесь, еще очень пригодитесь. Итак, пока в глушь, в «консервную банку», до более счастливых времен...

Человек в штатском задумался и, улыбнувшись, добавил:

— Уверен, что мы будем иметь доброкачественные «немецкие консервы», которые не портятся...

И вот тогда в маленьком, захолустном городке появился новый землемер. Он действительно как бы законсервировался, он мирно работал и мирно старел. Он спокойно ждал указаний, а пока вращался в быт городка, и, разъезжая по району для землеустройства, фиксировал пункты

расположения военных складов, проселочных и шоссежных дорог, железнодорожных пакгаузов и тупиков.

Дважды за эти годы ему давали знать, что о нем помнят, что он состоит на «вооружении» и входит в соответствующие расчеты. Дважды он подтверждал свою готовность к действию.

Потом он ездил в крупный центр по вызову, где встретился с одним приезжим. Адам Иванович передал через него присягу новому правителю Германии — фюреру, истерические ругань, клятвы и заклинания которого он не раз слышал по радио. Приезжий из Берлина снабдил Адама Ивановича портативной радиостанцией и научил, как ею пользоваться. Он передал ему также новый код, который Адам Иванович вызубрил наизусть, и ампулы с отравляющими веществами.

Так вернулся Адам Иванович к своей деятельности. Он работал аккуратно, ни разу «не наследил», им были очень довольны.

И в ту же ночь, когда он вернулся с подаренным ему радиоприемником домой, он сел к передатчику, чтобы к рассвету успеть сообщить ряд сведений, накопившихся за неделю.

Выстукивая по радио, Адам Иванович, сам того не замечая, стал проносить вслух все, что передавал. Тихо потрескивал передатчик, дождливая ночь способствовала хорошему приему, работа уже подходила к концу...

— Дедушка, что ты делаешь? — раздался внезапно взволнованный крик Тамуси. Адам Иванович ошелел. На пороге комнаты стояла внучка, глаза ее широко раскрылись от ужаса, она дрожала, как в приступе лихорадки. Она слышала все.

Мгновение стояла страшная тишина. Потом этот высокий худой старик, изогнувшись, прыгнул к ребенку. Цепкие пальцы сомкнули горло девочки, рухнувшей под тяжестью его тела.

Утром он подал заявление о том, что его внучка покончила с собой, повесившись ночью в своей комнате. Он высказал предположение, что самоубийство явилось следствием каких-либо школьных неприятностей и «повышенной, как он писал, нервной психики девочки, подорванной тем, что она рано осиротела».

Здесь нет нужды рассказывать о том, как шло следствие по этому делу, как судебно-медицинское вскрытие установило факт насильственной смерти девочки, как постепенно разматывался клубок этого сложного преступления и как был, наконец, полностью разоблачен Адам Иванович М-р — капитан германской армии Х., старый немецкий шпион, и о том, как была вскрыта еще одна банка «немецких консервов».

Содержание этой «консервной банки» так же отвратительно, страшно и ядовито, как все, что изготавливает и чем пытается отравить мир дьявольская кухня взбесившегося Гитлера.

„Комсомольская правда“.

Немецкие лазутчики

Вся наша великая страна живет одной мыслью, одним порывом: вести с фашистскими гадами беспощадную борьбу до конца, во что бы то ни стало уничтожить ненавистного врага. Вместе с тем далеко не все еще осознали всю тяжесть и смертельную опасность этой борьбы. Враг необычайно хитер, коварен и еще очень силен. Стремясь поработить советские народы, фашисты используют в этих целях не только военную машину, но и ложь, провокацию и другие подлые методы, делая ставку на малодостойные элементы и разные подонки общества.

Совершенно естественно, что война создает те или иные затруднения как на фронте, так и в тылу. Враг старается раздуть эти затруднения, распускать ложные слухи, сеять панику в наших рядах.

В одном из прифронтовых городов пронесся слух, что немцы приближаются к городской окраине. Отдельные группы населения поддались этой провокации и стали уходить из города. Этим воспользовались притаившиеся бандиты и начали грабить оставленное жителями имущество. В действительности враг был далеко, и никакого основания для беспокойства не было.

Местные власти и городские жители немедленно приняли меры, и нарушенный порядок был быстро восстановлен. Бежавшие жители вернулись домой, а бандиты, пытавшиеся грабить опустевшие дома, были захвачены и получили должное.

Следствием установлено, что слухи о приближении фашистов распустили пробравшиеся в город немецкие лазутчики. Эти слухи были подхвачены группой бандитов, которые хотели воспользоваться случаем и нежить. Врагу и его пособникам, уголовным преступникам, не удалось осуществить своих подлых замыслов.

Фашистские лазутчики действуют не только на фронте и в ближайшем тылу, но иногда проникают и в глубь страны.

В начале войны в одну из деревень Башкирской АССР явился красноармеец В., проживавший здесь до призыва в Красную Армию. Правая рука у него была забинтована. В. заявил односельчанам, что он ранен на фронте и отпущен в отпуск. Документов, удостоверяющих право на отпуск, В. не предъявил, уверяя, что они «утрачены в пути». В беседе с односельчанами В. заявил, что положение на фронте «почти безнадежное», что на раненых красноармейцев якобы не обращают никакого внимания и оставляют их без помощи.

Один из местных граждан, зная об уголовном прошлом В., почувствовал в его болтовне явную провокацию и даже усомнился в том, действительно ли он ранен. На следующий день он явился к В. на кварти-

ру с районным врачом и председателем местного Совета. Когда врач предложил «раненому» снять повязку с руки, тот решительно воспротивился, заявляя, что «не доверяет врачу». Несмотря на энергичное сопротивление В., он все же был освидетельствован и обыскан. На забинтованной правой руке не было обнаружено ни одной царапины. В подкладке шинели В. был найден пропуск на право перехода линии фронта. Пропуск был выдан немцами.

Следствием установлено, что В. позорно сдался в плен, продался фашистам и получил от них задание под видом раненого на фронте пробраться в глубокий тыл и распространять провокационные слухи, дискредитировать Красную Армию и восхвалять кровавого палача Гитлера.

Лазутчик, изобличенный советским патриотом, предстал перед советским судом и понес достойное наказание.

На одном из участков Северо-Западного фронта в заброшенном окопе был обнаружен радиоприемник, настроенный на Берлин. Командир, обнаруживший этот приемник, решил выяснить, кто им пользуется. Спустившись в соседний окоп, он стал терпеливо ждать таинственного «радиолюбителя».

С наступлением сумерек у приемника появился человек в красноармейской форме. Подкрадвшись к окопу, командир увидел «красноармейца», записывавшего немецкую радиопередачу. У переодетого в красноармейскую форму немецкого лазутчика была найдена тетрадь, в которую он записывал лживые провокационные измышления берлинского радио.

Пойманный с поличным, немецкий шпион признался, что он был переброшен на линию нашего фронта. Немецкая разведка поставила перед ним задачу завести знакомство с колхозниками прифронтовой полосы и регулярно сообщать им лживые сводки немецкого радио, выдавая их за рассказы «очевидца».

В районах, временно захваченных врагом, героически сражаются советские партизаны, наносящие серьезные удары фашистам. Пользуясь широкой поддержкой местного населения, партизаны сплошь и рядом неуловимы для немецких карателей.

Для борьбы против партизан немцы стараются использовать людей с темным прошлым. После занятия фашистами одного из районов Западной Белоруссии некто П., бывший кулак, сообщил немцам сведения о районном комсомоле, куда он втерся незадолго до начала войны. Кроме того, П. предложил свои услуги по выявлению коммунистов и советского актива, находящегося на территории, временно захваченной немецкими войсками, а также партизанских отрядов, действовавших в этом районе.

Предложение П. было принято. Вместе с переодетым немецким офицером он в течение нескольких дней бродил в окрестностях города Н. Хорошо ориентируясь на местности и находясь как работник местного завода вне подозрения, П. легко разыскал партизанский отряд и выдал его немцам.

Товарищи из партизанского отряда не проявили должной бдительности

и настороженности. Вместе с П. преспокойно орудовал немецкий офицер, хотя, даже вскользь присмотревшись к нему, нетрудно было установить действительное лицо этого «партизана».

Подобная оплешивость чуть не привела к гибели всего отряда. И только подлинный героизм, проявленный партизанами, спас отряд от разгрома.

В дальнейшем П. был направлен немцами в расположение наших частей с заданием восхвалить немецкую армию и распространять слухи о том, что немцы якобы хорошо обращаются с пленными и отпускают их по домам. Однако выполнить это задание П. не успел. Красноармейцы задержали фашистского лазутчика и доставили его по назначению.

Даже из приведенных примеров ясно, что каждый советский гражданин, где бы он ни находился, на фронте или в тылу, обязан быть бдительным всегда, сохранять хладнокровие и выдержку и вести самую решительную борьбу с распространителями провокационных и панических слухов, разоблачать всех и всяких агентов врага и передавать их органам советской власти. Немецко-фашистские лазутчики должны уничтожаться беспощадно.

„Красная звезда“.

Л. Савельев

Фашистские диверсанты

Петр Кекух был человеком весьма сомнительного поведения. За короткий срок он несколько раз менял место работы, систематически нарушал трудовую дисциплину, беспорядно пьянствовал. Под полным его влиянием находился младший брат — Павел. Оба они работали в разных цехах одного и того же оборонного завода, и обоих завербовала немецко-фашистская разведка.

Произошло это в середине сентября 1941 года. Как-то Кекух-младший разговорился в бане со случайным, как ему казалось, посетителем. Павлу было невдомек, что новый знакомый, оказавшийся немецким шпионом, хорошо знает обоих братьев и давно наметил их для вербовки.

Разговор начался издали. Шпион предложил Кекуху закурить, стал расспрашивать о заработках.

— А ты, парень, по нынешним временам ведь можешь зарабатывать раза в три больше.

Затем новый знакомый пригласил Павла вместе с братом в гости.

— Посидим, выпьем. Спирт найдется. А еще лучше — я к вам приду. У меня окна не замаскированы, по вечерам нельзя свет зажигать.

В ближайшее воскресенье у Кекухов был гость. Он пришел со своей выпивкой и закуской. Вечер провели втроем. Говорили о многом, но больше всего о войне. Гость оказался тертым калачом. Во время разговора он выведывал у своих подвыпивших собеседников все, что они знали о своем заводе. Петр настолько разоткровенничался, что начертил даже схему расположения цехов, в которых оба брата работали. Он указал, также, где находятся склады готовой продукции, в каких местах хранятся взрывчатые вещества, и т. д.

Гость не захотел остаться в долгу. Он тоже поделился с гостеприимными хозяевами имеющимися у него новостями. Это были, по его словам, «последние сведения с фронта». В заключение он повторил, что имеет возможность устроить братьям хороший заработок.

Через неделю гость явился снова. На этот раз он был уже значительно откровеннее. В разговоре он прямо предложил оказать ему «услугу» — совершить диверсионный акт.

— А не страшно? — усомнился было один из Кекухов.

На это гость возразил, что страшного тут нет ничего. Да и вообще, сказал он, другого выхода братьям теперь уже все равно не найти. Ведь они сами передали ему секретные данные, касающиеся оборонного завода.

— Вы думаете, за такие вещи вас по головке погладят?

Впрочем, Кекухи и не стали особенно раздумывать. Эти два спившихся мерзавца не брезговали никакими способами наживы и готовы были за деньги продать свою честь и совесть.

Техника диверсионного акта была разработана тут же. Петр должен был организовать в цехе, где он работал, взрыв. Младший Кекух достал необходимые для этого диверсионного акта взрывчатые вещества.

К счастью, диверсанты были вовремя разоблачены. Как установила экспертиза, если бы преступление удалось совершить, катастрофа была бы неминуема: на воздух взлетели бы склады взрывчатых веществ, расположенные неподалеку лаборатория и другие важнейшие объекты завода.

Военный трибунал Московского военного округа рассмотрел это дело в закрытом судебном заседании. Оба обвиняемых полностью признали свою вину. Фашистские диверсанты приговорены к высшей мере наказания — расстрелу.

„Красная звезда“

Предатель

Степан Червяков колебался недолго — он знал, что отец его был арестован органами советской власти за работу на немцев. И Червяков решил перейти фронт. Это было в июле. Теперь он пойман, избит и, опустив голову, рассказывает мерзкую историю своего предательства.

— Немцы задержали меня в конце июля, — рассказывает шпион, — и под конвоем отправили в Клевовские мхи, где стоял их штаб. Там я пробыл 25 дней. Здесь было нас несколько человек, завербованных для работы в немецкой разведке. Верховодил нами один старик, бывший кулак, шесть лет просидевший в тюрьме. Среди нас были дети раскулаченных и репрессированных. Были и такие, которые согласились стать немецкими разведчиками под прямой угрозой расстрела. Разведывательной школой, в которой мы обучались, руководил немецкий лейтенант.

Шныряя по сторонам воровскими глазами, Червяков нехотя рассказывает о занятиях в шпионской школе: они изучали винтовку, автомат, пулемет, гранаты, подрывное дело, сигнализацию, обучались пуску ракет, передвижению ночью. Учились они и меткой стрельбе. Об этой отрасли обучения Червяков рассказывает с особой неохотой. Но, припертый к стене неопровержимыми уликами, он вынужден процедить сквозь зубы:

— Меткой стрельбе нас обучали на связанных пленных красноармейцах. Делалось это для того, чтобы мы не боялись стрелять по живому человеку. Красноармейцев раздевали догола, привязывали к колу, чтобы лучше видно было, куда стрелять. Сам я застрелил нескольких бойцов.

— Если кто-нибудь боялся или отказывался стрелять по живым пленным, — говорит Червяков, — то немцы им самим угрожали расстрелом.

Однажды трое наших отказались стрелять в пленных красноармейцев. Отказавшиеся тут же были расстреляны.

Когда «курс наук» был окончен, диверсантов сфотографировали, сняли отпечатки пальцев и ладоней и направили на передовые позиции. Отсюда часть их под видом беженцев была перебросена на нашу территорию. Червякову вместе с другим шпионом был указан маршрут, дача задания по разведке и сигнализации, разброске антисоветских листовок и распространению панических и ложных слухов. Сигнализировать самолетам шпионы должны были электрическим фонарем-динамиком и ракетами. Были установлены также сигналы для указания стоянок и скопления войск и т. д.

— В мои задания, — рассказывает Червяков, — входили также убийства, метание гранат в дома мирных жителей и скопление людей, распространение паники.

Получив по 20 гранат, по ракетному пистолету с патронами и по автомату, Червяков с приятелем остались после отхода немцев на отбитой у них территории. Здесь Червяков сделал все, чтобы оправдать возлагавшиеся на него немецким командованием расчеты. Он трижды подавал сигналы немецким самолетам. Проходя ночью через поселок, бросил гранату в окно какого-то дома.

— Для чего вы это сделали?

— Для распространения паники. Кроме того, во второй половине сентября с той же целью мною было убито из-за угла трое или четверо мирных жителей.

Шпион становится словоохотливым и добавляет:

— 20 сентября утром в березняке за деревней Слепцы мой товарищ бросил гранату в ребят, собиравших грибы.

— А это для чего вы сделали?

— Чтобы сеять панику и страх.

Этот вражеский агент, предатель родины, потерявший человеческое обличье, сидит перед нами и, сознавая всю неизбежность ожидающего его возмездия, бормочет:

— Фронт я переходил дважды. У нас был специальный опознавательный знак, который мы предъявляли немцам. Все свое оружие хранили у старика в деревне Горбачах. Когда с наступлением темноты мы выходили на «дело», он нам выдавал все необходимое. Днем жили, как беженцы, в колхозе, который нас кормил...

Их кормили колхозники. Они ели советский хлеб и держали нож за голенищем. Ночью они пускали его в дело. Теперь диверсанты и убийцы схвачены за шиворот.

Берегитесь шпионов, помните — враг может оказаться среди нас в любой личине. Будьте бдительны!

„Красная звезда“.

Л. Савельев

Шпион

Огромный детина. Маленькие, бегающие по сторонам глазки. Показания дает стоя навытяжку. Руки по швам. И только оттопыренные мизинцы все время конвульсивно подергиваются.

— Ваше происхождение?

— Э-э... Из крестьян...

— Крестьяне разные бывают.

— Отец был землевладелец...

— Сколько у него было земли?

— Э-э... триста десятин...

Кроме того, на отца работали десятки батраков, он имел хутор на Мелитопольщине. Октябрьская революция «выбила из седла» этого панского выродка. Ему было поэтому все равно, в чьих рядах воевать, — лишь бы против советской власти.

Когда Красная Армия опрокинула белогвардейскую свору в Черное море, среди бежавших в Константинополь был и он — Крохмаль.

Двадцать лет провел он в эмиграции. Последние годы в Бухаресте. Там при помощи своего земляка — бывшего полицейского пристава — Крохмаль спелся с германской разведкой.

— Поедете на работу в Германию, — заявил ему вербовщик.

Это было в июне, незадолго до разбойного нападения Германии на Советский Союз.

Второй подсудимый — Тарасенко, которого Крохмаль называет не иначе, как «коллега», попал сюда примерно теми же путями. Кулацкий выродок, заклятый враг советской власти, Тарасенко, находясь в эмиграции, также дожидался все эти годы подходящего момента, чтоб выместить свою злобу против советского народа.

Встретились Крохмаль и Тарасенко в Штеттине, когда оба уже находились в услужении у немецкой разведки. С тех пор они действовали совместно.

Перед тем, как их должны были перебросить в СССР, шпионы некоторое время провели в Германии. Затем их направили на фронт, где причисляли к обозу одной немецкой воинской части. По мере того, как часть передвигалась, передвигались и шпионы. Время от времени их засылали в качестве провокаторов в лагеря военнопленных. Выдавая себя за советских граждан, якобы тоже задержанных немцами, Крохмаль и Тарасенко должны были стремиться войти в доверие обитателей лагеря и выведывать от них все, что можно, о Красной Армии.

— Но ничего нам узнать так и не удалось, — сокрушенно говорит Крохмаль. — Пленные нас сторонились и ничего нам не рассказывали.

Однажды на рассвете шпионов вызвали в штаб. Это было уже в занятом немцами Минске.

— Вот что, — заявил им германский офицер, — хватит шататься без дела. Завтра мы перебросим вас через фронт.

Шпионам выдали советские паспорта и велели хорошенько запомнить свои новые имена, отчества и фамилии. Их переодели в крестьянское платье, посадили на подводу, груженную разным домашним скарбом.

— Поедете под видом беженцев. Конечная ваша цель — добраться до Москвы. Хорошенько разузнайте дислокацию воинских частей, а также их наименования и номера. Вы должны разведать расположение складов продовольствия, амуниции и боеприпасов. Особое внимание обратите на движение воинских эшелонов с московских вокзалов.

Кроме того, шпионы должны были ходить по Москве, прислушиваться

к разговорам на улице, в трамваях, в общественных местах. Их обязали также вступать в разговоры с прохожими, используя это для распространения всяких панических слухов.

Перед самым отъездом в советский тыл Крохмалю и Тарасенко свели с двумя другими шпионами.

— Эти проберутся в Москву иными путями. Запомните хорошенько друг друга, — приказал офицер. — В Москве вам надо обязательно встретиться.

Тут же было обусловлено место встречи — у определенного дома на одной из московских улиц.

— Если в пути вас будут спрашивать, попались ли вам немецкие войска, — напутствовал в заключение офицер, — обязательно отвечайте утвердительно.

Кроме того, находясь в прифронтовой полосе, шпионы должны были распространять слухи о том, что немцы не причиняют советскому населению никакого зла.

Выполнить эту обширную шпионскую «программу» Крохмалю и Тарасенко не пришлось. Вскоре после того, как они пробрались через линию фронта, шпионы были задержаны и разоблачены.

Военный трибунал приговорил немецко-фашистских шпионов к расстрелу.

„Красная звезда“.

Э. Виленский

Гадюка

Эльза Штудлер возвращалась в свое село. Она училась в городе на курсах колхозных счетоводов, прожила там шесть месяцев и сейчас ехала домой. На вокзале ее встретил отец Пауль Штудлер. Плотный, краснотелый человек, с большими седыми усами. Он усадил дочь в плетеные дрожки и шевельнул вожжами. Гнедая кобыла пошла упругой, крупной рысью. Пыль потянулась за дрожками.

Утром Эльза пошла на работу. Колхозного счетовода взяли в армию, и она заняла его место. Время было тревожное, неподалеку гремел фронт. Отец неизменно после ужина надевал шапку и куда-то уходил. Он никогда не говорил, куда идет.

Два раза было комсомольское собрание. На одном провожали ребят, уходивших на фронт. На другом решали вопросы, связанные с эвакуацией села. Эльза сидела молча, не слушая, о чем говорят. Ее веки были всегда полуопущены: левый глаз косил, и она старалась это скрыть. Со-

стороны казалось, что она дремлет. Так и сказала однажды секретарь, комбайнер Антон Чередниченко: спать надо дома ночью, Эльза, а здесь не место.

Но за Эльзу вступились две комсомолки — Лидя Игнатенко, черноволосая, румяная хохотушка, и Галя Колун, тихая, высокая, над которой все подшучивали за ее мечтательность.

— Ты Эльзу не обижай, Антон.

Секретарь только рукой махнул.

Утром из села уходили колхозники. Шли целыми семьями, нагружив на подводы свое добро. Низко пролетел самолет с черными крестами. Потом появились немцы. Они сразу наполнили село шумом и тревогой. Какой-то офицер поднялся на грузовик и держал речь. Офицер вспотел, потом слез, а на его место стал Пауль Штудлер. Отец. Он говорил на том же диалекте, что и офицер. Эльза никогда не слыхала, чтобы ее отец говорил на этом диалекте, раньше он разговаривал по-яному. Потом все разошлись. Офицеры и солдаты заняли самые богатые дома. Отец повел офицера к себе.

Утром офицер сказал ей: — Ваш отец почтенный человек и много сделал для нас. Но вами мы не очень-то довольны. И мы еще проверим, что вы из себя представляете. Для начала пойдите в село и посмотрите, кто остался из коммунистов, из революционной молодежи, из правления колхоза. Потом придете и расскажете. И будете моей переводчицей.

Опустив по привычке веки, Эльза шла по улице. Она прошла вдоль всего села, но никого, кроме немцев да нескольких стариков-украинцев, не увидела. Она готова была повернуть, когда заметила у белой хатки Лиду и Галю. Они стояли с Петькой, 13-летним братом Лиды. Галя открывала калитку. — Здравствуй, Эльза, — сказала Лидя. Она смотрела строго и настороженно. — Ты, значит, не уехала?

Петька дернул сестру за рукав. Она отвела руку мальчика. — Почему, Эльза, ты не уехала?

Эльза стояла, опустив веки. — Отец не пустил. Запер. — Потом, решившись, она подошла к девушкам совсем близко. — Но я не изменила, я с вами...

— Хорошо, Эльза, — ответила Лидя. — мы тебе верим. Я всегда знала, что ты неплохая девушка. И я тебе скажу... Мы пришли помочь Пете. Мы будем здесь жить, а он будет ночью ходить через фронт. Мальчишку не заподозрят, а он нашим поможет. Помогли и ты нам.

— Помогу, — сказала Эльза.

Офицер сидел во дворе Пауля Штудлера. Перед ним на столе лежал лист бумаги. По очереди вводили украинцев. Офицер разговаривал с ними при помощи Эльзы. Офицер сказал ей: — Если вы боитесь мести, можете ничего не говорить при допросе, но если увидите коммуниста, уроните платок. Можете ничего не говорить, только уроните платок...

Люди шли один за другим. И вдруг ввели Петьку. Офицер задал во-

прос. Эльза вытащила платок. — Хорошо, — сказал по-немецки офицер. — Можно не бросать. Так даже лучше.

Когда убрали Петьку, солдаты ввели Лиду и Галю. Девушки шли твердой поступью, на головах у них алели косынки. Они встали у стола. — Ну, — сказал офицер. — Что за птички?

Девушки молчали, хотя понимали по-немецки. Молчала и Эльза. — Я спрашиваю вас, фрейлен, — офицер повернулся к Эльзе.

Эльза подняла глаза. Сказала сначала по-русски, потом по-немецки:

— Это хорошие девушки, это мои подруги, они не коммунистки...

Потом снова опустила веки и вынула платок.

— Так, — сказал офицер, улыбнувшись уголиком губ, — значит, хорошие девушки? Отлично, пусть уходят.

Девушки ушли. — Вы, фрейлен, тоже свободны. Вы держались молодцом. Рудольф, Густав, догоните тех пташек да заберите их...

* * *

Немцев выбили из села неожиданным и резким ударом. Они умчались так же быстро, как и пришли. А через несколько дней на широком дворе Пауля Штудлера шло судебное заседание.

— Слово имеет общественный обвинитель, — сказал председатель.

Общественный обвинитель встал. Все головы повернулись в его сторону. Это был секретарь сельской комсомольской организации Антон Чередниченко.

— Я буду задавать вопросы и сам буду отвечать на них. Где родилась Эльза Штудлер? Здесь. В советском селе. Среди кого она росла? Среди советских ребят, среди советской молодежи. На чьи деньги училась она в школе? На деньги советского государства. Кто платил за ее учебу на курсах? Наш колхоз. Кого же мы вскормили и вспоили? Я спрашиваю вас, товарищи судьи, вас, граждане, себя. Кого вскормили и вырастили мы? Гадоку! Мы с вами хоронили замученного Петю Игнатенко. Я предлагаю снять головные уборы в память о Пете. Мы не можем найти Лиду и Галю, наших героических девушек, отдавших светлую жизнь свою за социализм. Кто погубил Петю, Галю и Лиду? Она! Кто предал лучших наших комсомолов? Она! Это настоящая гадюка. Ее глаза всегда смотрят вниз, на землю. Она не человек — она ползучий гад. От своего имени, от имени общества, от имени всего нашего народа я требую для Эльзы Штудлер смерти!

Солнце клонилось к горизонту. Оно окрасило багрянцем дома и двор, где, окруженная гневом, сидела обвиняемая.

„Известия“.

Уничтожать шпионов и провокаторов

Опасность, нависшая над нашей родиной, над Москвой, обязывает каждого из нас проявлять особую бдительность.

Враг использует все методы диверсии, шпионажа, провокации. В последнее время в Москве в магазинах, почтовых отделениях, столовых появились люди, ведущие антисоветскую пропаганду, распространяющие провокационные слухи. Эти люди сеют панику, пытаются распространять содержание немецких листовок. Не нужно думать, что диверсант должен иметь явно «диверсионный» вид. Нет, немецкое гестапо пользуется для своих провокационных целей самыми различными способами.

В этом отношении весьма характерно дело гр-ки К., арестованной в октябре этого года. К. окончила московский вуз, вела педагогическую работу, имела обширный круг знакомых. Была она женщиной весьма легкомысленной, о политических своих построениях говорила весьма неохотно. Тем не менее некоторые доверчивые люди ей поручали общественную работу. И в начале войны ей поручили сделать доклад о текущем моменте в одном из сел vicinity Петрозаводска. К. возвращалась лесом и была остановлена четырьмя неизвестными. После длительного разговора трое отрекомендовались бывшими белогвардейцами, эмигрировавшими в годы гражданской войны. Сначала неизвестные пытались напугать К., затем они установили, что К. настроена антисоветски и не прочь помочь им. Тогда они сообщили К., что спустились на парашютах с диверсионными целями, получив задание финской разведки. Диверсанты завербовали К. для антисоветской работы, пригрозив ей, что, если она сообщит советским органам об их преступных замыслах, ее ребенок будет убит. К. установила связь с агентами гестапо и была переправлена вместе с мужем и ребенком в Москву для проведения провокационной работы. Изменница была задержана в одном из почтовых отделений г. Москвы за распространение антисоветских слухов. Задержали ее два советских гражданина, которым поведение К. показалось подозрительным. На следствии К. показала, что она получила задание распространять вражеские слухи в очередях, столовых, в общественных местах. Кроме того, она была обязана сеять панику и пересказывать содержание немецких листовок. На допросе К. утверждала, что она это делала, потому что ее хозяева из гестапо пригрозили ей, что в случае разоблачения они подвергнут ее ребенка самым изощренным пыткам.

Дело К. весьма показательное. Оно говорит о том, что еще сохранились подонки общества, люди без всякой совести, без чести, которых

уже во время войны вражеская разведка сумела завербовать для провокационной работы. Таких мерзавцев в нашей стране немного. Но каждый провокатор, каждый диверсант может принести немало вреда. Еще в 1937 г. товарищ Сталин указывал: «чтобы выиграть сражение во время войны, для этого может потребоваться несколько корпусов красной армии». А для того, чтобы провалить этот выигрыш на фронте, для этого достаточно несколько человек шпионов...».

Во время войны уголовные антисоветские элементы пытаются «свести счеты» с советской властью.

В этом отношении характерно дело потомственного уголовника П. Он был в свое время осужден за прогул на принудительные работы. Семья П. в своем послушном списке имела немало преступлений. Его мать была осуждена за спекуляцию, брат — за уголовное преступление. П. был настроен антисоветски, но до поры до времени скрывал свои настроения. Наступила война. П. решил «отомстить» советской власти и взорвать важнейший оборонный завод, а затем, по совершении преступления, связаться с агентами гестапо. Для осуществления своего преступного замысла П. привлек своего брата и нескольких знакомых. Преступление не удалось благодаря бдительности советских патриотов. П. не учел, что весь советский народ кровно заинтересован в поимке диверсантов.

На следствии П. показал: «Мысль отомстить советской власти за репрессию матери и брата не покидала меня с момента ее зарождения—1939 г. Однако до начала войны СССР с Германией мысль эта не находила у меня своего практического развития. Возникновение же военной обстановки в стране толкнуло меня уже на более конкретную и определенную мысль — отомстить советской власти наиболее чувствительным и острым образом. Я понимаю, что вывед из строя оборонного объекта в условиях военного времени нанесет серьезный удар советской власти, ослабит ее сопротивление фашистским войскам».

Дело К. и дело П. показывают, что враг использует подонки нашего общества, проституток, потомственных уголовников, для осуществления своих преступных деяний. Нужна бдительность и еще раз бдительность, чтобы разоблачать коварные и подлые проделки врага. Малейшее ротозейство, разгильдяйство могут привести к самым плачевным результатам.

Около железнодорожных путей одного из районов Московской области стрелками железнодорожной охраны был задержан неизвестный. На вопросы задержанный отвечал путанно и возбудил подозрение. Стрелки решили сообщить о задержанном в соответствующие органы. Казалось бы, они выполнили свой долг. Но тут была одна оплошность. Один из стрелков зашел в будку позвонить, другой, решив, что его основной долг выполнен, зажевал. Неизвестный выхватил револьвер и в упор убил второго стрелка, скрывшись затем в лесу. Убийца оказался крупнейшим диверсантом.

Нередки случаи, когда разгильдяйство приносит серьезный вред роди-

не и равнозначно измене. В июне и июле месяцах 1941 г. в одном из институтов Наркомата авиационной промышленности были похищены два весьма секретных документа. Впоследствии было установлено, что один из них попал в руки немецких шпионов.

Казалось бы совершенно очевидным, что в условиях военного времени нужна особая четкость, особая собранность при хранении секретных документов. Однако до сих пор находятся такие разгильдяи, которые не осознали всей ответственности за хранение секретных материалов. При проверке хранения секретных документов на одном из заводов в открытом столе бывшего начальника планово-производственного отдела Шипкова были обнаружены планы завода на II и III кварталы 1941 г. В начале августа из секретной части управления Гидрометслужбы в результате преступного отношения к хранению документов был похищен ряд секретных материалов.

До сих пор безобразно поставлена охрана некоторых важнейших оборонных предприятий. 26 сентября 1941 г. вахтеры Разумов и Летова пропустили по пропуску табельницы Дымовой на завод слесаря Дурицына, хотя, казалось бы, легко было установить разницу между мужчиной и женщиной. В конце сентября ночью посторонним удалось проникнуть на территорию Н-ского завода, предъявив страховую книжку. Вахтер Суслов, дежуривший в проходной будке, любезно рассказал о расположении постов и караульного помещения совершенно незнакомым ему людям. В одном из заводов проверяющие прошли через будку в столовую, а оттуда на двор завода. На вопрос вахтера — куда идете? — проходившие беспечно ответили — к Иванову. Этого оказалось достаточно для того, чтобы пропустить незнакомых на территорию завода, хотя никакой Иванов на заводе не работает. Вахтер Н-ского завода Лужников пропустил на территорию завода посторонних людей. Проверяющим удалось беспрепятственно войти в кабинет зам. директора и столь же беспрепятственно вынести вещи с территории завода.

Образцом разгильдяйства может служить вахтерская охрана завода «Красный штамповщик» Дзержинского района. Она выдала пропуск на вход Антонову, который предъявил проездной трамвайный билет на имя Иванова. На основании столь «авторитетного» документа директор завода ознакомили постороннего человека с данными производственной мощности завода. А начальник отдела т. Сенелин, проверив сей документ, нашел, что все в порядке.

Все эти факты говорят о том, что у нас еще не изжиты беспечность, разгильдяйство, легкомыслие, которые могут принести серьезнейший вред родине.

Сейчас нужна особая бдительность, настороженность. Нужно помнить, что враг засылал, засылает и будет пытаться засылать своих агентов для проведения диверсионной и провокационной работы.

Москвичи сейчас стойко обороняют свой родной город. Сотни тысяч советских патриотов, презрев смерть, готовы до последней капли крови

защищать сердце Советского Союза. Сотни тысяч патриотов сейчас уча-
ся владеть винтовкой, гранатой, минометом. Бдительность — одно из
важнейших оружий советского патриота. Именно в Москву враг будет
пытаться засылать сейчас шпионов и провокаторов. Каждый москвич дол-
жен быть на-чеку, каждый москвич должен разоблачать врага, в каких
обличия бы враг ни явился.

„Известия“

СОДВРЖАНИЕ

И. Реутский. Будь бдительным	3
В. Носов. Немецко-фашистский шпионаж	10
И. Попков. Бдительность и еще раз бдительность . . .	13
Л. Шейнин. „Немецкие консервы“	16
В. Носов. Немецкие лазутчики	21
Л. Савельев. Фашистские диверсанты	23
П. Корзинкин. Предатель	25
Л. Савельев. Шпион.	26
Э. Виленский. Гадюка.	28
А. Петров. Уничтожать шпионов и провокаторов . . .	31

Редактор А. Моисеев

фв 1913. Подписано к печати 9/1-42 г., печ. л. 2,25 Уч.-изд. л. 2,323
тип. знаков в 1 печ. л. 52550.

Тип. изд-ва „Чкаловская коммуна“, г. Чкалов, ул. Ленинская, 42. Заказ № 3787

